

Гибадуллина Нафиса Мухамит-Назиповна, Гибадуллин Рустам Марсельевич
**ПРОФЕССОР И. Н. СМОРНОВ В "МУЛТАНСКОМ ПРОЦЕССЕ": "ТРИУМФ" И ТРАГЕДИЯ
УЧЕНОГО**

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос об участии профессора И. Н. Смирнова в "мултанском процессе" (1892-1896). В большинстве публикаций по данному делу И. Н. Смирнов, выступивший с этнографической экспертизой на стороне обвинения, представлен шовинистом и фальсификатором. Авторы статьи прослеживают изменения в оценках роли ученого в указанном процессе и формулируют свой взгляд на его позицию, объясняя ее особенностями межэтнических отношений в имперской России, состоянием науки и эволюционистскими заблуждениями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 43-47. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).082

Исторические науки и археология

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос об участии профессора И. Н. Смирнова в «мултанском процессе» (1892-1896). В большинстве публикаций по данному делу И. Н. Смирнов, выступивший с этнографической экспертизой на стороне обвинения, представлен шовинистом и фальсификатором. Авторы статьи прослеживают изменения в оценках роли ученого в указанном процессе и формулируют свой взгляд на его позицию, объясняя ее особенностями межэтнических отношений в имперской России, состоянием науки и эволюционистскими заблуждениями.

Ключевые слова и фразы: профессор И. Н. Смирнов; «мултанский процесс»; этнографическая экспертиза; человеческое жертвоприношение; вотяки; эволюционизм.

Гибадуллина Нафиса Мухамит-Назиповна, к.и.н.

*Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)
nafisagi@gmail.com*

Гибадуллин Рустам Марсельевич, к.и.н., доцент

*Набережночелнинский институт (филиал) Казанского федерального университета (г. Казань)
nafisagi@gmail.com*

**ПРОФЕССОР И. Н. СМИРНОВ В «МУЛТАНСКОМ ПРОЦЕССЕ»:
«ТРИУМФ» И ТРАГЕДИЯ УЧЕНОГО®**

Становление и развитие демократических традиций в жизни русского общества на рубеже XIX-XX вв. во многом определялось появлением в пореформенный период социального слоя интеллигенции, способной в условиях политической реакции и произвола властей отстаивать свои гражданские позиции, основанные на прогрессивных идеях. Для этой ещё только формировавшейся демократической общественности серьёзным испытанием на гражданскую зрелость стал «позорный» судебный процесс по «мултанскому делу» (1892-1896), политическая подоплёка и социальная значимость которого позволяют поместить его в один ряд со столь же знаковыми в отечественной и зарубежной историографии «делом Дрейфуса» во Франции (1894-1906) и «делом Бейлиса» в Киеве (1913). Эти на шумевшие в своё время процессы объединяет то, что все они были инспирированы властями по сфабрикованным обвинениям с целью разжигания в обществе националистических настроений и предубеждений по отношению к этническим меньшинствам, а также то, что исключительно благодаря вмешательству общественности реакционная суть и сфальсифицированность этих процессов была разоблачена, и в конечном счёте они завершились торжеством справедливости.

Мултанский процесс по ложному обвинению группы полуязычников крестьян-удмуртов в совершении ритуального убийства всколыхнул всё российское общество, разделив его на два лагеря. На стороне обвинения оказались те, кого следует считать предтечей черносотенной идеологии – приверженцы официоза, искренне разделявшие великорусские державно-клерикальные настроения. Сторона защиты, напротив, была представлена демократически настроенной интеллигенцией, ориентированной на социальные и нравственные идеалы либерализма и категорически не приемлившей политический заказ государства в принципе. Поэтому поставленный «мултанским делом» в общественную повестку дня России сакраментальный вопрос «кто есть кто?» стал моментом истины не только в отношении невинных удмуртов, но и с точки зрения идейного самоопределения русского общества, его морального кредо и исторического имиджа. К счастью и к чести всей русской демократической общественности конца XIX в., она сумела дать достойный ответ и в том, и в другом отношении.

Несомненно, светлой стороной «мултанского процесса» является то, что активными и самоотверженными усилиями прогрессивных деятелей (писателя В. Г. Короленко, известного адвоката А. Ф. Кони и др.) это реакционное судилище закончилось оправдательным вердиктом. И тем не менее оно всё же остаётся позорным пятном в политической истории и национальной политике императорской России конца XIX в. Очевидно, именно из-за своих этнополитических аспектов, столь же нелюбимых и Советской властью, «мултанская история» по идеологическим соображениям была надолго «забыта», а вместе с ней – и её «реакционные» участники, оставшиеся в глазах российского общества пособниками политического преступления.

В наши дни историческая память возрождает их забытые образы. Мотивы, позиции и реальная роль этих деятелей становятся предметом объективного переосмысления нынешним поколением историков, свободным от недавних чёрно-белых оценок прошлого. Одной из таких фигур является профессор И. Н. Смирнов, для которого участие в «мултанском процессе» стало одновременно как карьерным триумфом, отмеченным официальными поощрениями, так и личной трагедией учёного, пережившего общественный бойкот, творческий кризис и незаслуженное забвение. В чём же причина того, что европейски образованный, талантливый и добросовестный учёный с достаточно прогрессивными научными взглядами, демократичный преподаватель

и популяризатор научных знаний в характерный для его эпохи момент идейно-политического размежевания оказался в несвойственном ему стане махровых реакционеров?

Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать не только в особенностях биографии и личности учёного, но и в противоречиях общественно-научного мировоззрения, характерного для рубежа XIX–XX вв., а также в незрелости сформировавшейся в то время русской общегражданской демократической культуры, которая, к сожалению, не распространялась на сферу межэтнических отношений и даже учёного-этнолога могла не обязывать к социально ответственной позиции. И должны ли мы быть слишком строгими к общественным грехам более чем вековой давности, если они не изжиты в полной мере и по сей день? В этой связи фигура профессора И. Н. Смирнова, его «триумф» и трагедия представляются сегодня весьма актуальной и поучительной темой исследования.

Иван Николаевич Смирнов (1856–1904), профессор Казанского университета, ведущий в то время специалист по истории и культуре финно-угорских народов Поволжья, принял участие в судебном разбирательстве в качестве эксперта по приглашению обвиняющей стороны. Учёный выступил с этнографической экспертизой в сентябре-октябре 1895 г. на втором заседании суда в Елабуге и в мае 1896 г. – в Мамадыше. Представители местной общественности (А. Н. Баранов, В. И. Суходоев, О. М. Жирнов и др.) привлекли на сторону защиты известного писателя В. Г. Короленко, который, заинтересовавшись столь необычным делом, принял самое энергичное участие в нем. В. Г. Короленко выступил в печати с рядом статей, в которых обвинил И. Н. Смирнова как учёного-эксперта не только в некомпетентности в верованиях удмуртов, но и в преднамеренной фальсификации фактов, поскольку им использовались в качестве доказательств (за неимением удмуртских) марийские сказки о людоедстве. В местных и центральных газетах были опубликованы протоколы следствия и статьи разных авторов, негативно освещавшие участие университетского профессора на стороне обвинения и, таким образом, уже тогда сложился образ учёного-реакционера. Зловеще пророческим оказалось высказывание В. Г. Короленко о И. Н. Смирнове: «...полагаю, этому господину едва ли снять с себя когда-нибудь позорное пятно, наложенное мултанским делом!» [Цит. по: 1, с. 20].

Сегодня, по прошествии более чем ста лет, можно утверждать, что причастность И. Н. Смирнова к скандальному процессу действительно стала роковым событием в его жизни. Долгое время только этот факт биографии историка определял интерес к его личности. Из учебника в учебник, из статьи в статью кочевал стереотипный образ учёного-шовиниста, действующего по указке властей. Однако до сих пор нет полной ясности в мотивах, определивших позицию профессора на суде: являлась ли она выражением его личных взглядов или отражала официальную политику? Но в том и другом случае выходит, что И. Н. Смирнов – реакционный учёный. А был ли он таковым? Попытаемся пролить некоторый свет на обстоятельства, обусловившие его роль и место в «мултанском деле».

Материалы процесса показывают, что И. Н. Смирнов вел себя странно. С одной стороны, он находил много «нарушений» в обычае «вотяцких жертвоприношений», которые ставили его в тупик, с другой стороны, поддерживал доводы обвинителей. На это обратил внимание и В. Г. Короленко. По его словам, И. Н. Смирнов сначала никак не мог допустить, чтобы в жертвенном шалаше собрались представители разных родов, но поскольку обвинитель и председатель многократно и настойчиво возвращались к этому вопросу, то речь, очевидно, пошла уже не о науке, а лишь о твёрдости характера, и через некоторое время учёный соглашается со всеми доводами обвинения [3, с. 188]. Заняв эту позицию, И. Н. Смирнов отбросил все сомнения и до конца судебного разбирательства продолжал настаивать на сохранности у удмуртов обычая человеческих жертвоприношений, а многочисленные факты нарушения ритуала стал объяснять воздействием времени и других обстоятельств [5]. Следует заметить, что сравнительно недавно в своем очерке «Вотяки» (1890) ученый утверждал об исчезновении подобных ритуалов у вотяцкого народа уже в далеком прошлом. В связи с этим и автор заметки в «Русской мысли» выразил недоумение: «...чем объяснить ненормальность отношений между диссертацией и экспертизой проф. Смирнова, подавшей повод к самым невероятным слухам и предположениям» [6, с. 257].

В. М. Михайловский, заместитель председателя этнографического отдела Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в своем открытом письме к И. Н. Смирнову прямо указал на его чрезмерное увлечение теорией пережитков Э. Б. Тейлора. По мнению В. М. Михайловского, И. Н. Смирнов некоторые свои «излюбленные теории», созданные на чуждой почве, пытался обосновать на материале местных народов, имея в виду идеи о первоначальном каннибализме и человеческих жертвоприношениях [4]. С этим утверждением В. М. Михайловского вполне можно согласиться, так как И. Н. Смирнов действительно интересовался теорией пережитков, а каннибализмом и человеческими жертвоприношениями у финно-угорских народов Поволжья в особенности. Так, в 1889 г. его публичная лекция «Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов» вызвала живой интерес у учёных и читающей публики. Текст лекции был распечатан отдельным изданием и даже переведён на французский язык. В 1890 г. на VIII Археологическом съезде учёный снова выступил с докладом «Воспоминания об эпохе каннибализма в народной поэзии вотяков». И в своих очерках о марийцах, мордве, коми-пермяках И. Н. Смирнов настойчиво обращался к теме человеческих жертвоприношений и каннибализма. В начале 1890-х идея существования подобных пережитков у инородцев оказалась чрезвычайно востребованной в официальных кругах и популярной в широких массах. Власти не препятствовали вспышкам ксенофобии, пытаясь с их помощью отвлечь народные массы от социального взрыва в голодные

годы. И. Н. Смирнов, разрабатывая данную тему, попал в струю общих ожиданий, и неудивительно, что из всех учёных, изучавших финно-угров Поволжья, обвинение пригласило именно его в качестве эксперта.

К чести российской университетской науки (и к несчастью самого учёного) И. Н. Смирнов оказался единственным ее представителем в лагере обвинения среди реакционно-настроенных чиновников и священников. В итоге его компетентность в вопросах этнографии и финно-угроведения была поставлена под сомнение и обсуждалась в негативном тоне на страницах прогрессивной печати, а редакции журналов отказывались публиковать его статьи о каннибализме у урало-алтайских народов [7, с. 110]. На некомпетентность учёного указывал и защитник обвиняемых М. И. Дрягин в своем прошении в Казанскую судебную палату о пересмотре дела вследствие многочисленных нарушений расследования и судебного процесса: «...г. Смирнов дружно уличается другими авторами в незнании вотского языка, в непонимании основных черт быта вотяков и их религиозных воззрений, в непродуманности своих выводов и, наконец, в пристрастии его, г. Смирнова, к западным мыслителям (особенно пережившему себя Спенсеру), никогда не изучавшим русской жизни и жизни наших инородцев...» [12, с. 195]. В то же время на И. Н. Смирнова, как на признанный авторитет в области существования человеческих жертвоприношений у удмуртов, стали ссылаться другие учёные [13, с. 135].

В советской литературе о «мултанском деле» профессор И. Н. Смирнов характеризовался исключительно как реакционер, шовинист и фальсификатор [12]. Очевидно, что такие оценки роли И. Н. Смирнова в скандальном процессе большей частью субъективны и политизированы. Лишь в 1990-е гг. позиция ученого на суде стала дискутироваться в отечественной науке, и появились более взвешенные подходы к данной проблеме. Так, Ю. В. Пахомов в своей диссертации, посвященной исследованию научной и общественной деятельности И. Н. Смирнова, впервые попытался дать непредвзятый анализ его поведения на «мултанском процессе», что позволило выявить многие интересные детали. На наш взгляд, вполне справедливо Ю. В. Пахомов попытался объяснить позицию И. Н. Смирнова излишней увлеченностью своими идеями, оторванностью от действительности, вследствие чего он не совсем понимал последствий своих заявлений [8, с. 78]. Как заметил автор, учёный не смог полностью отказаться от априорных теорий в изучении восточных финно-угров, о чем и свидетельствовало его отношение к проблеме «человеческих жертвоприношений». И. Н. Смирнов чувствовал себя более уверенно в общих вопросах этнографии удмуртов и менее уверенно, когда речь заходила о частностях, например, о том или ином божестве, которому приносилась жертва [Там же, с. 77]. Тем не менее, как полагает Ю. В. Пахомов, на присяжных заседателей произвело сильное впечатление заявление учёного эксперта о том, что он видит в убийстве Матюнина «полную картину жертвоприношения» [Там же, с. 78]. В целом, по мнению диссертанта, роль И. Н. Смирнова в «мултанском деле» была преувеличена его оппонентами и, прежде всего, В. Г. Короленко, причем «экспертиза И. Н. Смирнова имела значение лишь на втором разбирательстве, но не на третьем слушании дела, так как независимо от того, что бы ни сказал учёный в пользу виновности или невиновности мултанских крестьян, их участь решалась уже независимо от его мнения» [Там же, с. 87].

С точки зрения другого автора, А. И. Ракитина, «уверенная позиция обвинения на втором заседании, несмотря на отмену приговора предыдущего, основывалась на солидном и убедительном экспертном заключении И. Н. Смирнова, которое как нельзя лучше отвечало задачам прокуратуры» [9, с. 8]. По его мнению, несмотря на то, что эксперт дал заключение далеко не в пользу обвинения, сам факт привлечения для экспертизы известного учёного, не исключавшего существования человеческих жертвоприношений у удмуртов, повлиял на решение присяжных заседателей, и «прокуратура добилась обвинительного приговора не силой улики, которые не стали весомее со времени первого суда, а исключительно благодаря тому сильному впечатлению, которое произвел на присяжных 39-летний профессор Смирнов» [Там же, с. 9].

Согласно М. Дорфману, «профессор Смирнов не был ненавистником удмуртов. Наоборот, они были любимой темой его исследований. Он предстал перед судом как независимый эксперт, крупный специалист, выступающий от имени науки, представитель авторитетной тогда школы антропологического эволюционизма, продолжатель ныне почти забытого, а тогда очень популярного британского антрополога Тейлора» [2]. Характеризуя учёного как приверженца эволюционизма, М. Дорфман уклонился от этических оценок, хотя использование И. Н. Смирновым марийских сказок при отсутствии следов человеческих жертвоприношений в удмуртском фольклоре он, подобно другим исследователям, оценил как подтасовку фактов. Совершенно справедливо М. Дорфман указал на издержки эволюционистской теории, порождающей расистские настроения у публики. По его словам, И. Н. Смирнов был прав относительно того, что удмурты в конце XIX в. сохраняли еще сильную приверженность своим языческим традициям.

М. В. Ванюшев, автор ряда работ о «мултанском деле», в статье, посвященной специально И. Н. Смирнову, основывается на материалах публикаций и переписки В. Г. Короленко, благодаря чему всплывают новые факты о взаимоотношениях писателя и учёного. Так, из этих данных видно, что В. Г. Короленко крайне неприязненно относился к И. Н. Смирнову и высказывался о нем весьма нелюбезно. Несмотря на то, что в целом М. В. Ванюшев негативно освещает деятельность профессора на судебном процессе, он, ссылаясь на мнение чувашского писателя М. Юхмы, также допускает вероятность того, что И. Н. Смирнов дал положительную экспертизу под «давлением сверху» [1, с. 21].

Однако трудно представить, чтобы учёный, отличавшийся независимым характером, мог так легко пойти на поводу у обвинителей. На наш взгляд, позиция И. Н. Смирнова на «мултанском процессе» не была проявлением его научной и гражданской беспринципности, а, скорее всего, объясняется его личными представлениями

о культуре удмуртского народа, сформировавшимися еще в детстве в семье родителей – выходцев из духовного сословия. В те годы власти с целью искоренения язычества стали направлять внимание священнослужителей на изучение традиций и верований нерусских народов России. Важным способом вовлечения в православие было приобщение к миссионерской деятельности самих инородцев. Новообращенные миссионеры видели в своих соплеменниках отсталых язычников и, преследуя просветительские цели, стремились приобщить их к доминирующей культуре. Это в полной мере относилось и к семье И. Н. Смирнова, имевшей марийские корни, в которой его дед, отец и старший брат были православными священниками, известными миссионерами среди марийского населения края. Так, в семье родителей и во время обучения в духовной школе и семинарии будущий учёный воспринял интерес к верованиям и культуре местных народов, а также прозелитские стереотипы и предрассудки в отношении «инородцев». Удмурты же среди поволжских «инородцев» отличались замкнутым образом жизни и большей приверженностью своим языческим верованиям, поэтому в темной народной массе ходили слухи о бытовании у них обычаев колдовства и человеческих жертвоприношений. Священнослужители сами немало способствовали распространению подобных слухов, чтобы направить общественное мнение против язычников [11, с. 50].

С приходом И. Н. Смирнова в большую науку его этнические и религиозные предрассудки получили мощное подкрепление в теориях научных корифеев того времени – Э. Б. Тейлора и Г. Спенсера, авторитет которых для ученого был незыблем. В итоге на «мултанском процессе» он настаивал на существовании дикой традиции у крестьян удмуртов, имея под руками лишь сомнительные свидетельства в виде слухов. Объяснение этому нужно искать, думается, не только в этнических и религиозных предрассудках учёного, но и в его приверженности эволюционистским догмам. И. Н. Смирнов следовал дискурсу, господствовавшему в европейской и отечественной науке, в котором постулировалась культурная отсталость финно-угорских народов. Увлечённый теорией пережитков Э. Б. Тейлора, И. Н. Смирнов попытался обнаружить их и в жизни финно-угров Поволжья.

Учёный, конечно, осознавал нравственную уязвимость своей позиции по отношению к мултанским крестьянам, однако не изменил своего убеждения в их виновности до конца своей жизни. В 1903 г. в очерке «Инородческая старина Поволжья» он убеждённо писал о том, что публицисты-этнографы искали лишь доказательства против существования подобного пережитка у удмуртов, но если взглянуть на это дело с общей точки зрения, то «мултанское жертвоприношение» можно рассматривать как навеянный тяжёлыми обстоятельствами возврат к страшной старине, как новейшее звено в цепи явлений, свидетельствующих о былом широком распространении у поволжских инородцев человеческих жертв» [10, с. 14]. Характерно, что И. Н. Смирнов, невзирая на становившуюся для всех очевидной несостоятельность доказательной базы «мултанского процесса», предпочитал всё же рассматривать её в качестве важного подтверждения своей точки зрения.

Подводя итог, можно сказать, что в драме ученого наглядно проявился кризис эволюционистской теории, её противоречивость, связанная, прежде всего, с невозможностью механического применения декларируемых ею универсальных постулатов в отношении всех народов. Участие в «мултанском деле» на стороне обвинения нанесло сильный удар по репутации И. Н. Смирнова в глазах современников. Однако в ещё большей степени негативные последствия сказались в советский период, когда в истории развития науки полузабытому учёному была отведена реакционная роль, надолго заслонившая от внимания исследователей оригинальные идеи и ценный материал, заключённые в его наследии.

Список литературы

1. **Ванюшев В. М.** И. Н. Смирнов и «мултанское дело» // Этнография восточно-финских народов: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова (г. Ижевск, 17-18 октября 2006 г.) / отв. редактор А. Е. Загребин; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2007. 196 с.
2. **Дорфман М.** Кровавый навет: опыт деконструкции [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/dorf_krov.php (дата обращения: 24.03.2013).
3. **Короленко В. Г.** По поводу доклада священника Блинова // Русское богатство. 1898. № 9. С. 186-200.
4. **Михайловский В. М.** Открытое письмо г. профессору И. Н. Смирнову // Волжский вестник. 1896. 20 марта.
5. **Мултанское дело: этнографическая экспертиза** // Камско-Волжский край. 1896. 5 июля.
6. **Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных П. М. Богаевского** // Русская мысль. 1896. Кн. 6. С. 254-257.
7. **Пахомов Ю. В.** И. Н. Смирнов в письмах к С. Н. Шубинскому // Биография исследователя как жанр славистики: межвуз. науч. сб. Тверь, 1991. С. 102-113.
8. **Пахомов Ю. В.** Иван Николаевич Смирнов (1856-1904): историк, этнограф, общественный деятель: дисс. ... к.и.н. М., 1994. 175 с.
9. **Ракитин А. И.** Мултанское жертвоприношение [Электронный ресурс]. URL: http://murders.ru/Multan_1.html/ (дата обращения: 24.03.2013).
10. **Смирнов И. Н.** Инородческая старина Поволжья // Доисторическое прошлое Поволжья: сб. Н. Новгород, 1903. С. 1-14.
11. **Худяков М. Г.** Политическое значение «мултанского дела» // Советская этнография. 1932. № 1. С. 43-63.
12. **Шепталин А.** «Мултанское дело» в Удмуртии: 1892-1896 гг. // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: сборник документов / под ред. К. Мацузато. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. С. 188-206.
13. **Шестаков С.** По вопросу о национальности древних обитателей южной России // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1906. Т. 22. Вып. 2. С. 122-153.

**PROFESSOR I. N. SMIRNOV IN “MULTAN PROCESS”:
“TRIUMPH” AND TRAGEDY OF SCIENTIST**

Gibadullina Nafisa Mukhamit-Nazipovna, Ph. D. in History
Naberezhnye Chelny Branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan’)
nafisagi@gmail.com

Gibadullin Rustam Marsel'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute (Branch) of Kazan' Federal University (Kazan’)
nafisagi@gmail.com

The question of Professor I. N. Smirnov's participation in “Multan process” (1892-1896) continues to be controversial. I. N. Smirnov, who gave an ethnographic examination on the part of prosecution, was represented as a chauvinist and falsifier in most publications on this case. The authors of the article trace the changes in the estimations of the scientist's role in this process, and formulate their views on his position, explaining it by the features of inter-ethnic relations in imperial Russia, the state of science and evolutionary wrong beliefs.

Key words and phrases: Professor I. N. Smirnov; “Multan process”; ethnographic examination; human sacrifice; the Votyaks; evolutionism.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье исследуются учебные заведения, функционировавшие в монастырях Верхнего Поволжья (Тверская, Ярославская, Костромская епархии) во второй половине XIX – начале XX века. Этот период являлся временем наиболее активной деятельности монастырских школ и училищ, служивших важнейшими социальными центрами Русской Православной Церкви. Анализ источников и литературы позволил выявить в монастырях региона учебные заведения различных типов.

Ключевые слова и фразы: учебные заведения; монастыри; Верхнее Поволжье; Тверская епархия; Ярославская епархия; Костромская епархия; вторая половина XIX – начало XX века.

Денисов Валерий Витальевич

Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей
vvdenisov@bk.ru

**УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В МОНАСТЫРЯХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА) ©**

Вопросы организации школ и училищ относились к числу важнейших социальных функций монастырей РПЦ. Однако, несмотря на большую потребность в подготовке грамотных людей, стоявшую перед Российской империей, государство в течение долгого времени практически не привлекало обитатели к участию в данном направлении социальной деятельности. К сожалению, значительная часть монастырей не имела условий для ее успешного ведения. Только к середине XIX в. обителям удалось решить проблемы материального и хозяйственного содержания учебных заведений. В статье деятельность по организации школ и училищ рассматривается на примере монастырей региона Верхнего Поволжья, включавшего в себя территории Тверской, Ярославской и Костромской епархий, хронологическими рамками исследования выбраны вторая половина XIX – начало XX в.

Поскольку указанная тема относится к кругу актуальных научных проблем настоящего времени, то некоторые ее аспекты ранее рассматривались в публикациях. Например, изучением современных региональных исследований по истории народного образования региона Верхнего Поволжья в период XIX – начала XX в. занималась С. Ю. Иерусалимская [7; 8]. О. Б. Полякова в своей статье проанализировала состояние больниц, приютов и школ, существовавших при женских монастырях Ярославской епархии в XVIII – начале XX в. [10].

Начать изучение церковно-приходских школ следует с обителей Тверской епархии. Несколько ценных источников по теме исследования сохранилось в архивном фонде Тверского Христорождественского монастыря. Так, указом Тверской духовной консистории, датированным январем 1865 г., разрешалось священнику обители Ивану Постникову преподавать уроки чтения воспитанницам монастыря [4, д. 29]. Аналогичным документом дозволялось священнику Христорождественского монастыря Алексею Изотову преподавать педагогику старшим воспитанницам монастырского приюта [Там же, д. 30].

В числе документов Тверского Христорождественского монастыря до настоящего времени дошла «Смета на лесные материалы, потребные для постройки каменной церкви на урочище в Бежецком уезде,